

Фомичев Павел Юрьевич

СИСТЕМНО-КУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/41.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 116-121. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В России быстро растет число домашних кинотеатров в семьях. Основные зрители - подростки и юноши, а репертуар – фильмы ужасов, боевики, порнофильмы. Влияние подобной продукции на юных зрителей в наших условиях довольно эффективно, ибо у него практически нет конкуренции со стороны воспитательных структур. Для многих из них настоящая жизнь существует именно «в телевизоре», и соответственно тиражируемые им ценностные установки, стереотипы и модели поведения приобретают характер общепринятых, а звезды телевидения, кино и шоу-бизнеса становятся нравственными и поведенческими маяками, образцами для подражания, прежде всего для молодежи.

Надо сказать, что если в оценке общего вектора развития ситуации в сфере морали и нравственности мнения представителей поколений отцов и детей в целом совпадают (хотя и при более позитивном настрое молодежи дается оценка упадка нравственности), то в оценке роли СМИ, массовой культуры и шоу-бизнеса в жизни общества мнения людей различных поколений поляризуются.

Большинство россиян согласно с тем, что расцвет массовой культуры и шоу-бизнеса сопровождается упадком общей культуры, искусства, которые не в состоянии конкурировать с шоу-бизнесом прежде всего в коммерческом отношении. Развитие мирового рынка и та существенная роль, которую при этом выполняют мировые коммуникационные конгломераты, идет параллельно с небывалым ранее распространением феномена потребления. Культура-идеология потребления, активно пропагандируемая СМИ, буквально заявляет о том, что смысл жизни состоит в обладании вещами. Отсюда, только потребляя, человек может реализовать свои жизненные возможности. Но именно это смещение ценностных координат привело к крайне неблагоприятной морально-нравственной ситуации, которая сложилась сегодня в России [6, с. 29].

Список литературы

1. Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. Дмитриев В. Оружие массового оболванивания // Аргументы и факты. 1995. № 50.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 688 с.
4. Личность и массовая коммуникация: материалы встречи социологов 1988 г. Тарту: Тартуский университет, 1988. 340 с.
5. Сиберт Ф. Четыре теории прессы / Ф. Сиберт, У. Шрам, Т. Питерсон. М.: Вагриус, 1998. 223 с.
6. Хоружий С. Антивозрождение России // Политический класс. 2005. № 3.
7. Федотова Л. Массовая информация: стратегия производства и тактика потребления. М.: МГУ, 1996. 297 с.
8. Федотова Л. Социология массовой коммуникации: теория и практика. М.: МГУ, 1993. 381 с.
9. Цвик В. Л. Телевизионные новости России / В. Л. Цвик, Я. В. Назарова. М.: Аспект Пресс, 2004. 176 с.
10. Шерковин Ю. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Наука, 2003. 401 с.

УДК 008

Павел Юрьевич Фомичев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СИСТЕМНО-КУЛЬТУРНАЯ ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ[©]

Существуют различные подразделения мира на региональные цивилизации, принадлежащие разным авторам. Но все-таки в основе выделяемого культурного многообразия человечества лежит известная дихотомия Восток-Запад. Именно здесь проходит главный культурный водораздел, который, с различными смещениями, инвариантами и наслоениями, проявляет себя в более специфических культурных регионах.

Если отбросить чисто внешние отличия, хотя и они играют большую роль, то Запад и Восток разводят по целому ряду оснований. Среди них: противопоставление рационального и иррационального, свободы от подчинения традиции и крайней традиционности, мужского и женского начала, подчеркивание разной роли государства, технологического прогресса и т.д. Но существует ли некоторая более общая основа, вызывающая, в свою очередь, расхождение между западными и восточными обществами уже по целому набору фундаментальных характеристик? Ведь, вероятно, именно поэтому эти характеристики коррелируют между собой, и речь идет о разных типах общества, а не просто о несходстве отдельных черт.

Пожалуй, наиболее серьезную попытку найти такое общее основание сделал известный востоковед Л. С. Васильев, создавший теорию «власть-собственности», которая объясняет непохожесть восточных обществ на общества западного типа. Согласно Л. С. Васильеву, Восток как культурный феномен появляется естественным образом в результате эволюции социальных отношений при разложении родоплеменного строя, причем это происходит повсеместно, где идет такое разложение. Выделяющиеся в социальной структуре общества старейшины и вожди нужны ему для выживания, и общество отдает им дань признания, позволяя в порядке реципрокного обмена получать ренту-налог – тоже неразделенную категорию, как и власть-собственность.

Рента-налог по усмотрению власть предержащих, но в соответствии с неписаными нормами, используется в определенной пропорции на общегосударственные нужды (в смысле налога) и на личное потребление (рента как доход на ресурс собственности). В этой системе власть первична, а собственность производна от нее. Причем власть обуславливает не только право распоряжаться общегосударственной собственностью, но и право на служебную, а также и личную собственность имеющих к власти отношение. Частная собственность и рынок возникают позже и развиваются под строгим государственным контролем («квази-рынок» и «квази-собственность»). Такую систему социально-экономических отношений автор называет командно-административной. На Востоке ее существование закрепляется в традиции и освящается ею [1, с. 3-45].

Общество западного типа, по Л. С. Васильеву, возникает в результате социальной мутации – он относит этот момент к Древней Греции, к реформам Солона (VI в. до н.э.). Причем автор подчеркивает, что до этой мутации в древнегреческом обществе также доминировали взаимоотношения по линии власть-собственности и ренты-налога. Древнегреческие базилевсы первоначально выступали просто уважаемыми патриархами, как это было и в других регионах, где формировались протогосударственные структуры [Там же, с. 5].

Но не успев развиваться в отлаженную командно-административную систему, эти отношения в эллинской цивилизации подверглись социальной мутации, которая привела, во-первых, к разделению власти и собственности, и, соответственно, ренты и налога на отдельные институты. Во-вторых, собственность заняла приоритетное положение по отношению к власти, начал утверждаться ее безусловный характер (сначала в усеченной форме античной собственности). В-третьих, лица, обладающие собственностью, создают гражданское общество и демократическую форму правления для защиты своих прав собственности и для регулирования сделок как наиболее подходящую для этих целей¹.

И хотя позднее, уже в Древнем Риме, а затем и во многих европейских странах в Новое время появляются тенденции абсолютизации высшей власти, частная собственность на Западе остается в большой мере независимым от власти институтом. Причем она сохраняет свою приоритетность по отношению к власти, что становится все более очевидным по мере развития товарно-денежных отношений: власть в западном мире оказывается во все большей зависимости от держателей крупных капиталов. Здесь также лежит одно из краеугольных отличий государства на Западе от государства на Востоке: первое играет обслуживающую роль по отношению к собственникам, тогда как второе является первичным социальным институтом, непосредственно представляющим интересы соответствующей общности, пусть и с известными искажениями.

Наконец, еще одно из важнейших отличий древнего восточного общества от западного – отсутствие этапа рабовладельческого способа производства, а по большому счету и феодального². Л. С. Васильев отмечает, что впервые это было обнаружено К. Марксом, который вместо рабовладельческой и феодальной формаций на Востоке был вынужден ввести понятие «азиатского способа производства». Рабовладение на Востоке имело домашний характер и не играло такой роли, как в античном мире. Если в Древнем Риме, да и уже в Древней Греции труд рабов вытеснил труд свободных даже из такой социально инерционной и патриархальной сферы, как сельское хозяйство, то на Востоке на всех этапах его древней истории основная часть общественного продукта производилась свободными земледельцами. В этом и состоит суть азиатского способа производства, при котором также и общественно значимые несельскохозяйственные работы – строительство храмов, дворцов, дорог, каналов, крепостей – осуществлялось теми же свободными земледельцами, в свободное от сельскохозяйственных занятий время, по графику [Там же, с. 39]. Причем это происходило добровольно, но не добровольно-принудительно, а добровольно-бессознательно. Принуждение, естественно, иногда имело место, но не оно являлось движущей силой. Именно бессознательное следование той же традиции, определявшей весь комплекс общественных отношений на Древнем Востоке, заставляло свободных земледельцев воспринимать участие в таких работах как свой общественный долг, почетную обязанность. По сути у них не было выбора не потому, что неповиновение пресекалось, а в силу отсутствия сознательной постановки вопроса о таком выборе – они просто не могли мыслить по-другому, иными категориями, нежели предписаниями традиции.

В самом деле, эти различия не кажутся слишком удивительными. Рабовладельческий способ производства мог возникнуть лишь в обществе, в котором утвердился приоритет частной собственности. Наряду с землей и скотом рабы естественным образом стали главными объектами частной собственности. И только в таком обществе мог поддерживаться крайне низкий статус раба как презренного человека, лишённого элементарных прав. Рабовладение же на Востоке, помимо его общей невыраженности как способа производства, отличалось и в том отношении, что рабы, как правило, могли обзаводиться хозяйством, жениться на свободных, и социальный статус их потомков постепенно повышался.

Однако и Л. С. Васильев не выводит общей причины, главного фактора, который развел исторически западное и восточное общества. Получается, что Запад возник случайно, как случайна всякая мутация.

¹ Часто забывают, что на Западе гражданские институты первоначально возникли именно в этих целях, а не для волеизъявления широких народных масс.

² На Востоке не было помещичьего хозяйства, на котором было основано производство в рамках феодализма на Западе. Поэтому термин «феодальный» применим к соответствующему периоду в развитии восточных обществ лишь как синоним «средневековый», без существенной смысловой нагрузки.

Однако даже чисто интуитивно трудно представить, что такая социальная конструкция, которой является западное общество, могла не реализоваться, не появиться на Земле в некоторый исторический момент. Не говоря уже о том, что законы биологического мира лишь отчасти приложимы к социальным объектам.

Вместе с тем сам же Л. С. Васильев отмечает, что еще задолго до реформ Солона в непосредственно примыкавшем к очагу древнегреческой культуры Ближневосточном регионе вызревали важные предпосылки, по сути подготовившие данную «мутацию», но которые не сформировались, например, на Дальнем Востоке. Поэтому само собой напрашивается предположение, что уже на заре человеческого общества его развитие в разных регионах Земли шло в значительной мере по-разному.

В самом деле, Древний Восток неоднороден. В его пределах можно выделить прежде всего две обширных области, различия между которыми достигают наибольшего градиента, и которые долго время развивались практически без сколько-нибудь существенной связи друг с другом. Это Ближний Восток и Дальний Восток. Между ними находится Индия, с ее двумя древними цивилизациями, харапской и арийской, последовательно сменявшими друг друга. Индия имела значительные контакты и с тем, и с другим регионом. Но если Индию вывести за скобки как особый мир, возникший на стыке Ближнего и Дальнего Востока, то первый и второй можно считать двумя ветвями человеческого общества, первоначально развивавшимися независимо друг от друга. Будем их называть, пока условно, Восточной и Западной ветвями человечества.

При их сравнении сразу бросается в глаза совершенно различный характер развития этих ветвей уже в древности. В Ближневосточном регионе, в Западной ветви человечества, при общем доминировании институтов власти-собственности и ренты-налога, сформировались важные элементы частнособственнических отношений. Пальма первенства здесь принадлежит таким государственным и культурным образованиям, как Вавилон, периода правления Хаммурапи и Нововавилонского царства, государство Митанни, Финикия, Иудея. В самом деле, письменное законодательство, без которого немислимы защита прав частной собственности и регулирование сделок в западном мире, впервые возникает именно здесь, при Хаммурапи.

При этом, например, ограничивая масштабы развития хищнического ростовщичества, свод законов Хаммурапи, упоминая эту форму частнособственнических отношений, тем самым и узаконивает ее, юридически закрепляет ее право на существование. Со времен Хаммурапи начинает развиваться труд по найму, на смену долговому рабству. Практику законодательных предписаний унаследуют позднее хетты и другие народы, пока она не выльется в грандиозный институт римского права. В то же время на Дальнем Востоке письменное законодательство отсутствовало, все хозяйственные отношения регулировала традиция. Не находят на Дальнем Востоке и древних документов хозяйственной отчетности и организации сделок – договоров, счетов, квитанций и т.д., – которые в изобилии обнаруживают археологи на Ближнем Востоке.

В государстве Митанни был изобретен институт «усыновления» для вовлечения в частный оборот отторгаемого от общины имущества.

В Иудее крайней степени развития достигло ростовщичество. Тот же Древний Египет, с его быстрым разложением общины и резким доминированием административно-государственной машины, хотя и представлял общество, основанное на «власть-собственности», но по степени бесправия основной части населения уж очень сильно походил на действительно рабовладельческие государства, появившиеся в рамках Западной ветви уже позднее.

Финикия, по утверждению Л. С. Васильева, достигла того рубежа развития социально-экономической структуры своих городов-государств, за которым могла последовать ее трансформация в полисную, напоминавшую древнегреческую общественную организацию. Правители финикийских городов не только поощряли развитие рыночных частнособственнических отношений, но и сами выступали партнерами в деловых предприятиях. Больших масштабов достигла работорговля и применение рабов в качестве гребцов. Греки от финикийцев научились искусству кораблестроения, практике основания заморских колоний, морской торговле.

Нововавилонское царство, с его «столпотворением», торгово-ростовщическими домами, транзитной торговлей, сильно расширившейся практикой применения наемного труда, также крайне близко подошло к моменту возможной дальнейшей ломки преобладавших отношений типа «власть-собственность». В то же время на Дальнем Востоке экономическая и политическая организация общества на основе «власти-собственности» и «ренты-налога» просматривается особенно четко. Значимость традиции, государственного и этического регулирования экономических отношений достигает здесь наибольшего выражения.

И даже общий ход исторического развития на древних Ближнем и Дальнем Востоке принципиально различается. В Западной ветви человечества развитие шло прерывисто, с резкими взлетами и падениями, с образованием империй и их дезинтеграцией, с перемещением центра развития, с передачей роли главных носителей прогресса от одних народов к другим, с исчезновением целых народов и возникновением новых. «Ирак и Персия – сколько империй достигли там расцвета и одна за другой ушли в забвение!.. А великие города – Вавилон и Ниневия!.. Египет, Кнос, Ирак и Греция – все они исчезли. Их древние цивилизации, так же как и Вавилон и Ниневия, перестали существовать», – писал Дж. Неру [2, с. 50-51]. В Китае же и Индии «тоже происходили сражения и нашествия, захват добычи, разорение в огромных размерах... Но нигде, кроме Китая и Индии, не было подлинной непрерывности цивилизации. Несмотря на все изменения, битвы и вторжения, нити древних цивилизаций не прерывались в обеих этих странах» [Там же]. Тем не менее, историческая преемственность культуры наблюдается и в Западной ветви.

«Вторичным» и «третичным» цивилизациям в этом регионе не нужно было проходить «азы» хозяйствования и общественной организации, они могли «скороговоркой» проходить или вообще пропускать целые этапы развития, заимствуя достижения предшественников и выстраивая аналогии с культурой соседей.

Таким образом, изменение социальной структуры, произошедшее в Древней Греции, безусловно, было принципиальным, но оно стало лишь некоторым историческим рывком в социальной трансформации в рамках всей Западной ветви человечества, произошедшим, когда накопились и достигли некоторого порогового значения предпосылки, вызревшие в этом регионе.

Так что же развело Западную и Восточную ветви человечества в отношении столь важных характеристик социального развития уже на первых этапах формирования государственности и культуры? Это уже нельзя считать мутацией, и нужно искать некоторую общую фундаментальную причину.

Можно предположить, что главным дифференцирующим фактором, приведшим к расхождению путей развития ближневосточной и дальневосточной ветвей человечества, является различие в формах, так сказать, «системно-культурной несвободы». Системно-культурная несвобода – это обусловленность индивида региональной культурой, к которой он принадлежит, а обусловленность означает ограничение свободного восприятия реальности. Но несвобода, в широком смысле, есть насилие. И фундаментальной причиной, по которой индивид позволяет себе быть обусловленным, несвободным, является укоренившееся в нем насилие, основанное на страхе, первоисточником которого выступает осознание конечности существования человеческой личности. Индивиды переносят этот страх и насильственность на региональную культуру, и возникает замкнутый круг.

Уже само различие региональных культур – не во внешних признаках, а в их глубинной сущности, связанной с системой ценностей, этических норм, мироощущения и т.д. – означает, что люди, разделяющие эти культурные ориентиры, подвергаются системно-культурному насилию и принимают его.

Ведь если бы люди были действительно внутренне свободны, они пришли бы к некоторому общему пониманию основополагающих сторон человеческой жизни – добра и зла, независимости личности и важности долга, свободы самовыражения и уважения к другим и т.д. Насилие, несвобода – это очень широкие категории. Насилием следует считать не только очевидные случаи физического насилия, с причинением человеку боли, физических страданий или смерти. Существует также психологическое, моральное, экономическое насилие. Насилие может быть не только по отношению к другим, но и к самому себе. Так, с этих позиций нет большой разницы между убийством и самоубийством, хотя общество склонно первое осуждать гораздо больше, а второе зачастую и оправдывать. Насильствен агрессор, но насильственна и жертва, если она не оказывает сопротивления.

Культурно-системная несвобода имеет множество конкретных проявлений, зачастую прямо противоположных. Насилием (несвободой) может быть как стяжательство, так и подчеркнутое пренебрежение к материальным условиям, как стремление к личной власти, так и уничижительное подчинение силе и власти, как карьеризм, так и отказ от возникающих возможностей, соответствующих личным данным и т.д. Насилием является любое самоотжествление – с группой людей, идеологией, религией, нацией, государством.

Крайними формами последнего выступают национализм и шовинизм, но и в малых дозах такое самоотжествление не перестает быть насилием. Важно, что большое насилие или малое – это лишь одна сторона вопроса. Другая сторона в том, что и большое, и малое насилие являются насилием, и в этом они равнозначны. Насилие всегда несет несвободу и наоборот. И «немного несвободы» точно так же означает отсутствие свободы.

Также важно, что культурно-системное насилие – это не столько внешние проявления насилия в обществе, по отношению к отдельному человеку, сколько та несвобода, которая существует внутри человека. Именно она порождает видимое насилие со стороны одних и согласие с ним со стороны других.

Безусловно, и несвобода, и насильственность могут быть индивидуальными чертами, присущими отдельным людям. Но в еще больших масштабах эти явления существуют в системно-культурном смысле. Системно-культурная несвобода присутствует в общественном сознании и обуславливает каждую личность, принадлежащую к данному обществу. Системно-культурная несвобода устойчива в своей сущности, способна передаваться от поколения к поколению через века и тысячелетия и находит отражение в формировании соответствующих социальных институтов.

Запад и Восток различаются в первую очередь по доминированию главного вектора системно-культурной несвободы – внешнего или внутреннего. Западный мир фундаментально основан на внешнем насилие, тогда как восточный – на внутреннем, на подчинении личности традиции. На Западе поведение людей во все века в основном определялось заданностью таких императивов, как самовозвышение, внешнее подавление или присвоение. И в этом смысле нет большой разницы между презрительно-отвлеченным отношением древних греков к окружающим «варварам», экспансией Рима, резней в Европе в раннем средневековье, лихорадкой обогащения Нового времени или самоутверждения через нетрадиционную сексуальную ориентацию в наши дни. В конечном счете все это – формы внешней экспансии личности, продиктованной страхом конечности ее существования. Но этот же страх заставляет людей на Востоке позволять культурной традиции регламентировать их жизнь, освобождая тем самым от личной ответственности за нее.

Проводимое противопоставление векторов культурно-системной несвободы на Западе и Востоке относится прежде всего к западноевропейской цивилизации, с ее продолжением в североамериканском и австрало-новозеландском вариантах, с одной стороны, и к дальневосточной культурной традиции – с другой. Но помимо последней есть и другая культурная традиция, в не меньшей мере относимая к Востоку – мусульманско-арабская. И ее происхождение связано уж с Западной ветвью человечества. Как же здесь проявляет себя дихотомия Восток-Запад?

Ислам возник в том же ближневосточном культурном узле, что и предшествовавшие ему по времени появления иудаизм и христианство. И его рождение было реакцией на эллинизм, иудаизм и христианство. Территория Ближнего Востока со времен завоеваний Александра Македонского подверглась значительной эллинизации. Здесь строились города, стояли греко-македонские гарнизоны, вели торговлю греческие купцы, возникали полисы. Это влияние простиралось в восточном направлении вплоть до каракумских оазисов. Позднее население Малой Азии, Сирии, Палестины, Финикии, Египта, Эфиопии – тех регионов, которые оказались в составе Рима и затем Византии – стало почти поголовно христианским, и это продолжалось на протяжении нескольких столетий. Бедуины и жители оазисов Аравии были хорошо знакомы с христианством, равно как и с иудаизмом – представители этих религий населяли окружающие регионы и водили караваны через пустыни Аравии. Но эти культурные традиции не были привлекательны для населения Аравии. И тогда ими было создано мусульманское учение как противопоставление всей эллинистическо-римско-иудейско-христианской культурной традиции. Это прослеживается во всех областях, затрагиваемых исламом, от нравственности до экономических принципов.

Но ислам, таким образом, уже при своем рождении не был свободен в выборе, он отталкивался от образца, хотя и отрицательного образца, на который нельзя было походить. В отличие, например, от буддизма, еще одной мировой религии, возникшей в целом независимо от предшествовавших христианству и мусульманству ближневосточных культур, ислам с самого начала оказался близок христианско-иудейской традиции – почти в такой степени, в какой может быть близким предмету его зеркальное отражение.

Но что же могло вызвать столь мощное неприятие этой традиции, ее культурную непереносимость арабами и другими народами, принявшими ислам? Таким фактором могло стать только присущее ей культурно-системное насилие. Ислам стремился уйти от насилия, в том виде, в каком создатели мусульманского учения видели его: с присущим ему ростовщичеством, рабством, долговой кабалой, культурным высокомерием и т.д. Но, оторвавшись от одного комплекса форм насилия, ислам оказался в лоне другого, восточного по своей сути. С помощью насилия нельзя победить другое насилие – тут же происходит перерождение последнего, его «перелив» из одной формы в другую. В результате в лице ислама в рамках Западной ветви человечества вновь родился Восток, но это был уже «Западный Восток», генетически близкий западному миру.

Последнее находит проявление и в ряде общих черт у мусульманской и иудейско-христианской культурных традиций, например, в исторически свойственной им религиозной нетерпимости. И та и другая видели смысл в территориальной экспансии, в подчинении других народов. Наконец, ислам оказался несвободен и от рабовладельческой практики. Хотя рабовладение Коран не поощряет, иноплеменные рабы широко использовались на общественных работах в халифате уже с IX в. На этом фоне в дальневосточных культурах наблюдается крайняя степень религиозной терпимости, умеренная тенденция к территориальной экспансии, ограниченное развитие рабовладения.

Поэтому, скорее ислам как «Западный Восток» возник в результате социальной мутации в рамках Западной ветви человечества, развитие которой закономерно вело к образованию античного мира, а не «древний Запад» вдруг неожиданно образовался в преимущественно «восточном» общечеловеческом культурном русле.

В целом можно подметить тенденцию, так сказать, историко-географического «разбегания» разнонаправленных форм системно-культурного насилия, их отталкивания друг от друга. Сначала в этом отношении разошлись Западная и Восточная ветви человечества, потом в рамках Западной ветви вновь родился Восток и подчеркнуто отмежевался от нее, хотя это и не очень ему удалось. Но тогда можно предположить, что и в рамках «собственно Востока», Дальнего Востока, должен был появиться «Восточный Запад». Была ли такая тенденция?

Да, была. Это имело место в Японии, которая и стала «Восточным Западом». Но это произошло не в порядке вестернизации Японии под влиянием европейцев, что утверждает, например, А. Дж. Тойнби [3, с. 56]. Как известно, через 99 лет после появления первых европейцев Япония закрывает свои двери для внешнего мира, не допускает в страну иностранцев¹ и под страхом смерти препятствует выезду японцев на материк. Почти два столетия Япония находилась в полной изоляции. Но к тому моменту, когда после прибытия в 1852 г. американской флотилии под командованием адмирала Перри и угрозы обстрела прибрежных городов Япония была вынуждена вновь открыться внешнему миру, она по сути самостоятельно совершила промышленную революцию. Как минимум, Япония прошла мануфактурную стадию, но к середине XIX в. в ней уже появились и настоящие фабрично-заводские предприятия. Любая же другая страна, оказавшаяся в эпоху нового времени в условиях изоляции, испытала бы лишь застой и деградацию.

¹ Кроме небольшого числа голландцев, содержащихся на островке в бухте Нагасаки почти как пленников.

Япония представляет единственный случай в Азии, когда промышленный переворот происходит не под прямым влиянием Запада. И в силу своей внутренней подготовленности к встрече с Западом Япония после своего второго «открытия» не испытала тяжелых последствий колониализма, с которым столкнулись Китай, Индокитай и другие регионы Дальнего Востока и в зарубежной Азии в целом. Наоборот, открытие внешнему миру дало ей новые стимулы для экономического роста, и в короткий срок Япония превратилась в мощную державу, правда, милитаристскую по духу.

Но почему таким исключением стала именно Япония, историческое развитие которой происходило с большим запаздыванием по отношению к Китаю, Индии? Ответ следует искать в присущем ей типе системно-культурного насилия. Известно, что в средние века Японии, как никакой другой стране Востока, была свойственна ожесточенная межклановая борьба за власть. Насильственные смены династий происходили и в других культурных регионах Дальнего Востока, но в них общество на длительные периоды принимало произошедшие изменения, которые носили смысл скорее «революций», смены целых, так сказать, формаций, парадигм развития, то есть были вызваны объективными потребностями в переменах. В Японии же с момента образования царства Ямато в IV в. эта борьба не затихала по крайней мере вплоть до XVI в., до установления сегуната Токугавы. Здесь лежит прямая аналогия со средневековой Европой, особенно с ее ранним средневековьем, когда в подобных условиях возникли феодалы и феодальная лестница. Это – западная в своей сути доминанта системно-культурного насилия.

Разведение Востока и Запада по типам системно-культурной несвободы или насилия позволяет также объяснить и то, почему именно на Западе, а не на Востоке со всеми достижениями его древних цивилизаций, непрерывностью и преемственностью развития, произошел индустриальный переворот и переход к капиталистическому способу производства. Первоначальный капитализм в Европе был хищническим по своей природе. Никто не заботился о тех, кто не успел вскочить на подножку этого локомотива. Прошло немало времени, прежде чем низы сумели отстоять свои права, и возникло западное общество современного типа, в котором трудно с первого взгляда разглядеть его сущность.

Но восточные (дальневосточные) цивилизации, с их меритократией, с сакральным признанием права народа на свержение недобродетельных правителей, не заботящихся о подданных, просто не могли себе позволить сбросить эту ответственность с общества и предоставить каждому заботиться о себе самому. В древнем Китае создавались централизованные запасы хлеба на случай голода. Большие масштабы в дальневосточных цивилизациях принимали общественные работы по благоустройству, улучшению условий жизни широких слоев населения – строительству дорог, каналов, колодцев, странноприимных домов. Хищнический капитализм в таких условиях был просто неприемлем. Его смогла принять только Япония.

Другое дело сегодня, на совершенно ином этапе развития международного разделения труда, в условиях научно-технической революции. Теперь ни Китаю, ни другим восточным странам уже не требуется для совершения экономического рывка обрекать массы населения на нищету и бесправие, как это было в хищнической фазе развития капитализма.

Свое особое место в этой картине мира занимают Россия, Индия, Латинская Америка и другие регионы, не представляющие в полной мере ни Запад, ни Восток, ни даже «Западный Восток» или «Восточный Запад». Но это требует специального исследования и обсуждения в отдельных статьях.

Список литературы

1. Васильев Л. С. История Востока: в 2 т. М.: Высшая школа, 1988. Т. 1. 495 с.
2. Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. М.: Прогресс, 1989. Т. 1. 360 с.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник. М.: Рольф, 2002. 592 с.

УДК 140.8

Лилия Фэатовна Хабибулина

Казанский государственный университет культуры и искусств

ФЕНОМЕН РОМАНТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ[©]

Термин «романтическое» впервые обнаруживается в источнике середины XVII века со смысловым наполнением «воображаемый», «нереальный», «фантастический». Первоначальное его значение при появлении было обозначением чего-то причудливого, сказочного, взятого из суждения об отвлеченных, удивительных, лишенных здравого смысла романах – песнях странствующих поэтов. Выявить сущность *романтического* достаточно сложно, поскольку переплетение романтики, фантазии, мечты и воображения в «разрастании» романтического незамкнуто и бесконечно. Данная статья является попыткой объяснить феномен *романтического* через соотношение этих понятий и уточнение их семантического наполнения.